

ветствии с тогдашним правописанием) имеет форму Велимиръ, - аналогично как и у Хлебникова со временем принятия имени-псевдонима и до изменений в русском правописании.

В творениях Хлебникова украинские элементы присутствуют на различных уровнях: на языковом и словообразовательном, на тематическом и идейном и т.д. Украинская тематика сопровождала весь его творческий путь - с самого начала до самого конца. Насчет языкового (речевого) уровня, стоит прислушаться к мнению Н.Берковского: "У Хлебникова, если в стихи вступает украинская речь, это еще не значит, что говорит украинец, у себя на Украине и об украинских своих делах. Для Хлебникова важны не те или иные национальные вещи или слова, а важен весь национальный язык в целом, если прозвучало только однозначное слово или полстроки из национального языка, то в стихах Хлебникова тем самым весь этот язык в целом своем составе, со всем, что он может напомнить нам, вызван к жизни. В русские стихи вводится голос иной нации, в стихи вводится внутренний ее образ, каким он известен из ее истории, вековой психологии и культуры". Универсалии могут произрастать из конкретики, и наоборот. Для примера можно обратить внимание на отрывок из стихотворения под условным названием "Испаганский верблюд":

Летевший
Древний германский орел,
Утративший Ха,
Ищет его
В украинском "разве",
В колосе ржи.

В этом фрагменте присутствует знакомый Хлебникова по фамилии Абих (от немецкого Habicht, что означает: ястреб), эта фамилия в обратном прочтении получает форму украинского слова "хіба". Целые поля таких и других "колосьев ржи" есть у Хлебникова, и многие из этих колосьев - украинские.

Осип Мандельштам стал одним из самых значительных русских поэтов. Его поэтический язык, специфический и неповторимый, модифицированный до неузнаваемости русский язык, можно узнать сразу, - любое его стихотворение как бы произносит: это Мандельштам. А какие же конкретно истоки этого неповторимого мандельштамовского языка? Об этом имеем свидетельства самого поэта в его автобиографической прозе: "Речь отца и речь матери - не слиянием ли этих двух питается всю долгую жизнь наш язык, не они ли слагают его характер? Речь матери, ясная и звонкая, без малейшей чужестранной примеси, с несколько расширенными и чрезмерно открытыми гласными, литературная великорусская речь; словарь ее беден и сжат, обороты однообразны, - но это язык, в нем есть что-то коренное и уверенное. Мать любила говорить и радовалась корню и звуку прибдненной интеллигентским обиходом великорусской речи. Не первая ли в роду дорвала она до чистых и ясных русских звуков? У отца совсем не было языка, это было косноязычие и безъязычие. Русская речь польского еврея? - Нет. Речь немецкого еврея? - Тоже нет. Может быть, особый курляндский акцент? - Я таких не слышал. Совершенно отвлеченный, придуманный язык, витиеватая и закрученная речь самоуки, где обычные слова переплетаются со старинными философскими терминами Гердера, Лейбница и Спинозы, причудливый синтаксис талмудиста, искусственная, не всегда договоренная фраза - это было все что угодно, но не язык, все равно - по-русски или по-немецки". Но все же самого языка недостаточно, чтобы органически войти в определенный национальный поэтический мир. Здесь необходима мировоззренческая (пушкинская и парадоксальная) причастность. Очень метко мировоззренческий выбор О.Мандельштама определяет С.Аверинцев: "Мандельштам, будучи евреем, избирает быть русским поэтом - не просто "русскоязычным", а именно русским - не в последнюю очередь потому, что для еврея самоотождествиться в качестве еврея, прикрепить себя к своей национальной идентичности - припаивает тавтологией. Недостает противоречия как энергетического источника, не достает восставленного перпендикуляра. Но вот сделан выбор в пользу русской поэзии и "христианской культуры" - хорошо, одно противоречие вживлено в ткань жизни, один перпендикуляр восстановлен: что дальше? Стать православным - означало бы так называемую ассимиляцию: "выкрест" однозначно отождествит себя в качестве русского - снова опасность тавтологии, на сей раз еще и сомнительной. Повинуясь императиву, воплощенному в мандельштамовской поэтике, ум Мандельштама шарил в поисках возможности нового выхода за пределы, отыскивал третий член пропорции между двумя данными - еврейством и Россией. Искомым был некий универсализм, который так относился бы к национальному православию, как христианский универсализм относится к национальному партикуляризму евреев. Стоя перед этим уравнением, поэт был потрясен примером Чадаева - русского человека, и притом человека пушкинской эпохи, то есть самой органической эпохи русской культуры, избравшего католическую идею единства. Мандельштам угадывает в чаадаевской мысли освобождающий парадокс, род-

ственный тем парадоксам, без которых не мог жить он сам: не вопреки своему русскому естеству, а благодаря ему, всемирному русским духовным странничеством - вот он, "посох мой"! - пришел Чадаев к тому, к чему пришел." Можно считать эту трактовку достаточной, следует лишь заметить, что выбор Мандельштама русского языка в качестве основного творческого орудия не был безальтернативным, ибо в начале века в России создавалась весьма богатая еврейская литература: и на иврите, и на идише.

Если более подробно рассматривать поэтическое творчество О.Мандельштама, тогда можно найти много украинских параллелей, хотя бы с творчеством украинских неоклассиков. Поражает смелость поэта: широко известны роковые "веселые" стихи о "кремлевском горце". Третья строфа стихотворения "Старый Крым", написанного в мае 1933 года, абсолютно шокирующая:

Природа своего не узнает лица,
И тени страшные Украины, Кубани...
Как в туфлях войлочных голодные крестьяне
Калитку стерегут, не трогая кольца...

Это же отголосок самой ужасной катастрофы украинского народа. В этих строках заложена актуальная честность Мандельштама. Кровь и слезы, неизгладимая вечная боль.

Борис Пастернак представлялся мне с самого детства чем-то очень украинским. Наверное, срабатывали детские аналогии с поговоркой "дуля з маком, з пастернаком" и с песенкой "танцовала риба з раком, а петрушка з пастернаком"... Уже в средней школе настоящим откровением стало для меня то, что Пастернак писал по-русски. А уже перед окончанием школы, просматривая как-то целую кипу материалов с одной международной книжной ярмарки, я ознакомился и с каталогом одного израильского издательства, где был список писателей-евреев, которые были лауреатами Нобелевской премии. Борис Пастернак тоже был в этом списке: очередное юношеское открытие. Пастернак, имеющий еврейские корни, поражающе органически сросся с русской культурой. Стихи и упорядоченность русской поэзии трудно представить без него. В данном случае хочется затронуть лишь один переводческий аспект. В свое время Б.Пастернак перевел пролог к поэме Ивана Франко "Моисей". В этом прологе, обращаясь к своему народу и Украине, Франко в частности писал:

Та прийдет час, і ти огністим відом

Засяєш у народів вольних колі,
Труснеш Кавказ, впережешся
Бескидом,

Покотиш Чорним морем гомін волі
І глянеш, як хазяїн домовитий,
По своїй хаті і по своєму полі.

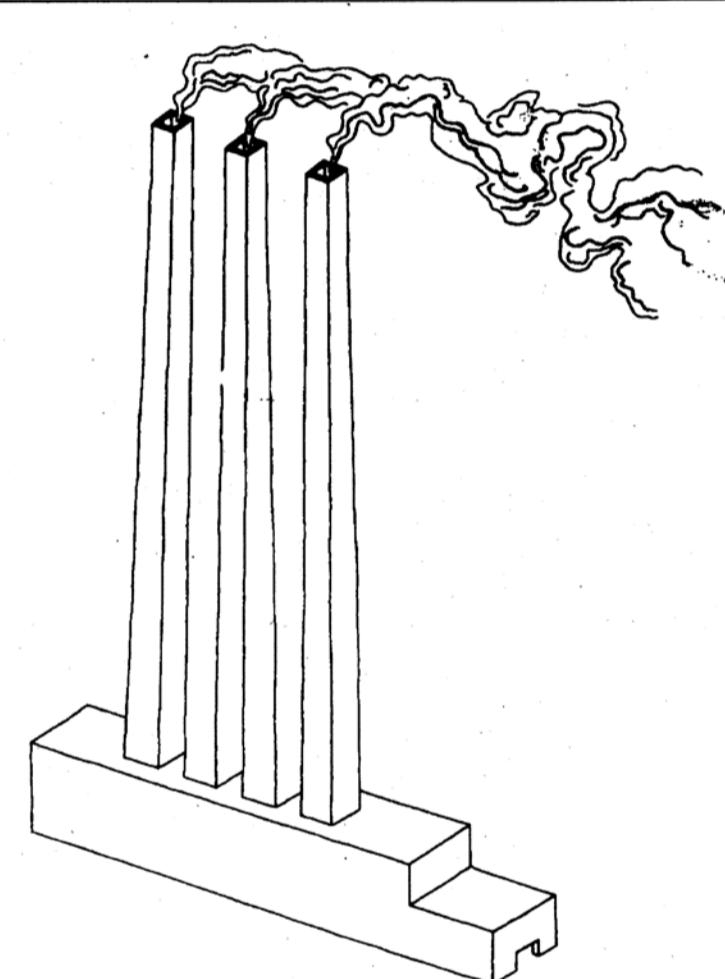
Перед тем, как процитировать пастернаковский перевод этого отрывка, напрашивается одна вопиющая аналогия, а именно - вывод киевского отдельного цензора иностранной цензуры С.Щеголева, поданный Центральному комитету иностранной цензуры в Петербурге, о запрещении брошюры М.Яцкова "Іван Франко" (от 16 января 1914 года). В этом драконовском выводе читаем: "На стр. 14-15 цитируются отрывки из стихотвор-

ного пролога к "Моисею" Франко, где поэт предсказывает, что "придет время", когда (малорусский) народ "встряхнет Кавказом, опояшется Карпатами (Бескидом) и "покатит по Черному морю клич свободы" (стр.15). Усматривая в содержании брошюры призыв малороссов к бунтовщикам действиям и к ниспровержению общественного и государственного строя, я полагаю, что брошюра, применительно к п.1 и п.2 ст.129 уголовного кодекса, подлежит запрещению." А сейчас посмотрим на перевод:

Но час придет, в багряном ореоле,
В кругу народов вольных, за Карпаты
И к Черноморью рокот новой воли
И радости ты доплеснешь раскаты.
И, все обняв хозяйствкою управой,
Полями залюбувшися и хатой.

Здесь уже не действуют запреты, просто чувствуется некоторое ретуширование. Вроде бы ненароком испаряется куда-то Кавказ: Но это как бы и закономерно, ибо и сам Пастернак писал о переводческой деятельности следующее: "Подобно оригиналу, перевод должен производить впечатление жизни, а не словесности". Жизнь и при царской, и при коммунистической России определялась антиукраинской политикой, а это не могло не отражаться и на словесности.

Веселые и печальные нотки вплелись в эти размышления об украинских и еврейских корнях русской поэзии первой трети нашего столетия. И хронологические рамки, и понятие корней очень относительны. Но и саму поэзию трудно очертить, описать, осмыслить. Главное, что поэзия все-таки существует, - а подходов к ее пониманию может быть несчетное количество. Мой подход является поэзииеведческим, - личностным, безусловно. В данном случае, применительно к актуальному сюжету - именно в таком конкретном виде.

О.Ройтерсверд. Из серии "Японские перспективы"